

Из судебного журнала

Новое
Литературное
Обозрение

Шесть дней

Как же так, неужели просто войти в эту гордую лодку и отплыть чуть-чуть, чтобы было видно и слышно. В Венеции я ценю то, что никто никогда не видел. Я верю, что он мой — этот невидимый летучий город. Его никогда не забудешь, как никогда в своей жизни не покинуть то, что досталось из тьмы ослепительного детства.

Где-то спрятались в мирах мои первые шесть дней. Мать выбирала и хранила их для меня, покуда я скрывался в ее планете, где небеса еще не были отделены, где свет и тьма смешивались, покуда она грелась на осеннем солнце в сквере у моря. Это был мой вселенский монастырь, построенный в надежном сакруме — по ту сторону Бога.

Любая жизнь — предел совершенства. По крайней мере, совершенства молекул. Этому мы платим дань, провозглашая бессмертие заботы.

Возможно, я собирался родиться в другой галактике, но в какой-то момент передумал. Где же мои шесть дней? Это все похоже на сон, которому еще предстоит сбыться. Есть такие события, которые невозможно ни описать, ни

сочинить, ни задумать. Не всякое будущее формулируется от противного: «Не произойдет ни то, ни это». Будущее иногда похоже знаете на что?

Недавно поздним вечером в потемках я шел по Южному Яффо. Светились окна. У порогов лачуг сидели старики и старухи, вздыхали, зевали. Двери тоже зевком приоткрывали содержимое убогих жилищ: вентилятор, телевизор, фотографии на тумбочке. Но иногда калитка была приоткрыта в темный дворик. Такое искушение в него зайти!

Так и будущее порой складывается из того, чьи шаги ты отвергаешь. Тело будущего и тело матери — карты разных миров. Они — миф, который рассказывает нас. Я слышал его в Константинополе, Риме и Вавилоне. Иногда твое лицо проплывало сквозь облака. Сквозь твои ладони протекал Босфор, проходили легионы, армии, эпохи.

И проплывала та гордая лодка, на которой я устремлялся рассматривать свой невидимый город, где затерялись шесть дней моего рождения.

Новогоднее окно

Ночью спать, спать, но что бросает вдруг обратно? Третьи петухи? Стараюсь не шуметь, иду к окну. Когда-нибудь вы пережидали ливень в речной ночи по горло? Холмы под луной, кроны сосен — воплощение одиночества. Тьму изо всех сил стараемся не замечать.

Крыши и шпили Санкт-Петербурга рушатся на меня. Со всеми их ангелами, чьи предки вокруг. Сидишь в ночной реке по горло и держишь на плечах ливень спицей, плоско-стей, проспектов, дворов, парадных. Все, что когда-то было в твоей жизни. Теперь память звучит тихонько музыкой по радио-тишине, и нет причины ее выключать.

Вот только иногда грохочет что-то в снах, прошитых тоннелями метро, в которых проносятся пустые поезда. Их вагоны когда-то в юности были полны. Снова петухи. Весь Иерусалим ночью словно призрак. Фонари вдоль парковых дорожек упрямо освещают путь ночным бабочкам.

Из ущелий доносится запах камней и трав. Нет сторожей — всех заменила луна, которая от одиночества

разговаривает сама с собой. Я вижу свою постель и красоту жены. Она словно зеркало для луны, и луна примолкает. Но все равно ливень из шпилей и кровель продолжает обрушиваться на меня.

И тогда я вижу мальчика лет семи, потерявшегося на обратном пути из школы. Сначала гаражи, склады, узкоколейка, и вдруг гигантский джинн перенес его через полвека и бросил здесь одного. Где-то под кровлей вздыхают голуби, склевавшие бесконечность.

Ночь, ночь, ночь. Ночью царит тайна. Кто знает, что пропел тогда третий петух? Что-то важное происходит в это время. Днем внутри вновь воцаряется пустыня. Чего в ней только нет!

Бродят старики со старухами, ищут пустые клетки, где спрятаться. Скрипачи собираются вместе и выходят рыдать на дорогу. Проносится грузовик с надписью на борту: «Развезу ваши долги».

О благословенная новогодняя ночь! Ведь только сейчас я могу сидеть под ливнем из шпилей и кровель, вспоминая всех золоченых ангелов и херувимов, когда-то наполнявших поезда моих снов.

Стрелы

Где-то, в какой-то ведомости, я числюсь изобретателем прозрачных камней.

Я родился в Сумгаите в 1970 году. Жил в Воскресенске, Москве, Долгопрудном, Реховоте, снова в Москве, в Сан-Франциско, Сакраменто, Тускалусе, Тарусе, Тель-Авиве, Иерусалиме — и вот теперь в Бар Гиоре. Все это крохотные городки и селенья, столицы безвестности и провинций. Это при том, что, начиная работу, я всегда принимаюсь за Вселенную. Однако даже теперь никакая машина времени не делает мое прошлое соблазнительным, хотя иногда я был счастлив. И все же заставить меня прожить такое еще раз — нет уж, увольте.

Однажды я ехал из Сакраменто в Сан-Хосе на поезде. И где-то по пути на страшной скорости локомотив сшиб на переезде тележку, полную баракла бездомного, который успел отскочить. Поезд затормозил, и это мне рассказал кондуктор. Я слышал проволочный звук удара, будто кто-то провел по ненатянутым струнам.

Вот так же судьба поступает с тележкой, груженной и моими намерениями.

Та железная дорога была когда-то путем битников, заскакивавших в вагоны грузового поезда без спросу. Когда-то и я путешествовал в осенний Крым в теплушке с четырьмя лошадьми, спал на сене, просыпался в при- станционном тумане. Все самое важное в моей жизни всегда происходило помимо моей воли.

Однажды девушка, с которой у меня в юности был роман, сказала: «Знаешь, ты похож на святого Себастьяна из Дрезденской галереи». В самом деле, сходство имелось, и мы ему удивились. Но теперь я понимаю главное: главное — стрелы. Стрелы намерений и столб судьбы — вот чем мы держимся. В каком-то смысле так и устроен мир — не на китах он стоит, и не на Ньютоне и Эйнштейне. А держится на стрелах.

Однажды отец рассказал мне, что, когда работал на заводе Rasco, он, чтобы посылать мне немного денег, старался сэкономить на мотеле и потому ночевал в машине, запарковав ее на площади перед заводом. Но на третий день приехали полицейские и спросили его: «Против чего бастуешь?» Отец отправился в гостиницу. Он не сказал им, что его сын писатель; что обратно до дома два часа езды вдоль берега реки Сакраменто, и, поскольку в некоторых местах на этой дороге нет отбойников, он возит с собой молоток под пассажирским ковриком, чтобы выбить стекло машины, если заснет и свалится в реку.

Иногда я вспоминаю этот случай. Мы дети своих родителей и яблонь. Вот почему я тоже вожу монтировку под

ковриком с пассажирской стороны. У меня тоже есть своя река, в которую я опасаясь свалиться во сне.